

**«Одинокий
искатель»:
жизнь и судьба
Осипа
Эмильевича
Мандельштама**

**За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?**

**– Я рожден в ночь
с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году – и
столетья
Окружают меня огнем.**

Рождение.

О. Э. Мандельштам
3 [15] января 1891
родился
в Варшаве в семье
коммерсанта.

Отец – Эмиль Вениаминович –

**из серьезной
религиозной
еврейской семьи.**

**По воле родителей,
стал хорошим
ремесленником –
мастером
перчаточного дела.**

Мама Осипа Мандельштама – Флора Вербловская –

- родом из Вильно, из семьи с еврейскими корнями, выпускница русской гимназии.
- Мать - это изящный русский язык, русская культура.

Детство и юность.

Детство и юность его прошли в Петербурге и в Павловске, образование получил в Тенишевском коммерческом училище — в одном из лучших в России (1907).

Тенишевское училище

1898 год

**Важный этап в становлении
Мандельштама-поэта — учеба в
Тенишевском коммерческом училище,
давшем разностороннюю практическую и
гуманитарную подготовку. В зале училища
устраивались литературные вечера и
концерты.**

Париж – Рим - Берлин

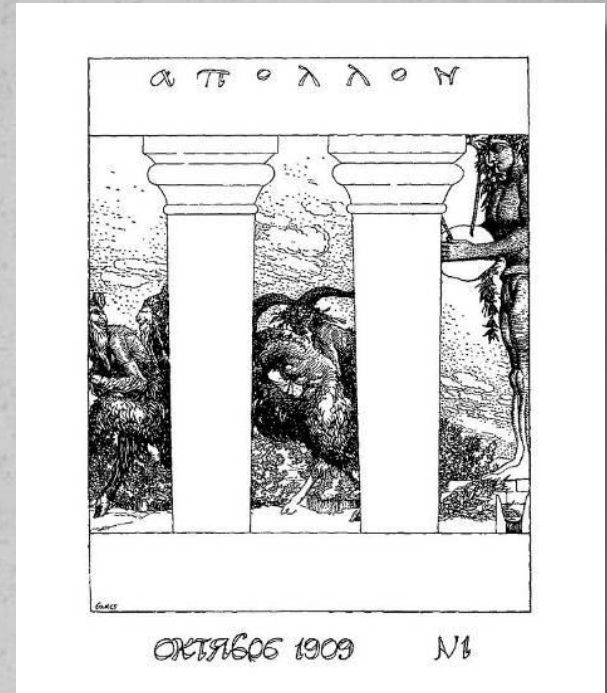
- **Мандельштама влекла литература и культура в широком смысле. После окончания училища в 1907 г. он едет за границу, слушает университетские лекции в Сорбонне и Гейдельберге. Западноевропейская культура производит на него колоссальное впечатление.**

Дебют

Со своими первыми поэтическими опытами он осмеливается познакомить Вячеслава Иванова, которому отправляет письма с "символистскими" стихами. "Они хороши, — замечала впоследствии А. А. Ахматова в своих мемуарах, — но в них нет того, что мы называем Мандельштамом".

«Неужели я настоящий?»

Подборка стихов Мандельштама в девятом номере журнала «Аполлон» открыла читателю самобытный поэтический талант поэта.

Дебют

Пять стихотворений неизвестного поэта обращали на себя внимание новизной мироощущения, изнутри взрывавшего символистский принцип "соответствий". "На стекла вечности уже легло. Мое дыхание, мое тепло". "Стихи, подписанные неизвестным именем... переливались, сияли, холодели, как звезды в небе", — писал о своих впечатлениях Г. В. Иванов. Мандельштам посещает "среды" Вячеслава Иванова, знакомится с Н. С. Гумилевым и становится членом "Цеха поэтов" (1911), называвшими себя «акмеистами».

"Тогда он был худощавым мальчиком, с ландышем в петлице, с высоко закинутой головой, (с пылающими глазами) с ресницами в полщеки", — таким его увидела А. А. Ахматова весной 1911 г.

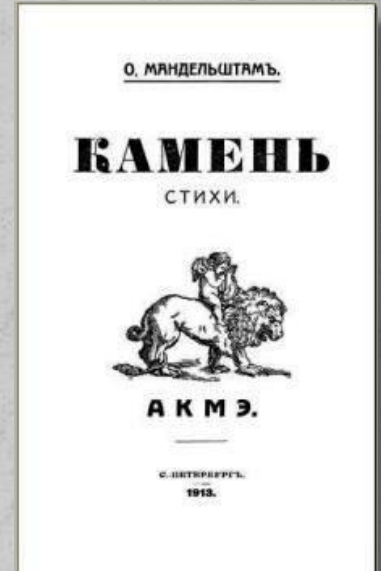
В этом же году Мандельштам поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Но учится недобросовестно и курса не оканчивает.

**Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок...**

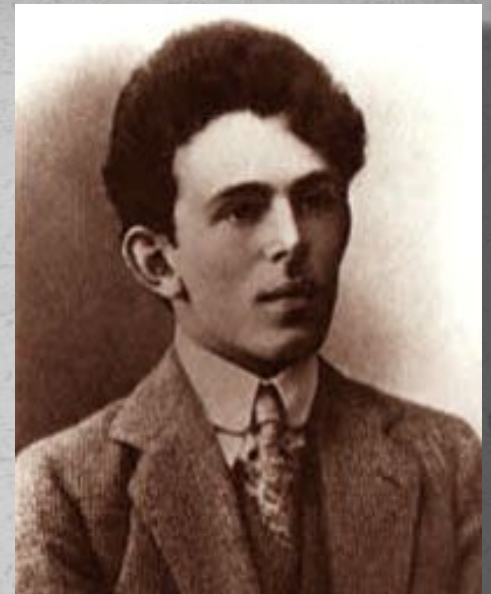
- **«Камень» 1915, 1916 г.**
- **«Tristia» 1922 г.**
- **«Вторая книга» 1923 г.**

**Мандельштам поднимает
“тютчевский камень” и кладет
его “в основу своего здания.”**

Первая книга

- Первая книга молодого поэта "Камень" (1913; второе издание — 1916), вышедшая под маркой издательства "Акмэ", представила читателю Мандельштама-акмеиста.
- "Акмеистично" было уже само название сборника, указывающее на "вещность" и даже "грубость" материала искусства, преобразуемого рукой художника-творца, вносящего в мир продуманную красоту и гармонию. Поэт, как зодчий, как вольный каменщик, созидает прочно и на века, наводя на мысль о человеческом гении.
- *Для его поэзии характерны философская глубина, обостренный интерес к истории. Его стихи предельно кратки, насыщены историко-литературными ассоциациями, музыкально выразительны, ритмически разнообразны.

**Дано мне тело - что мне дела
ть с ним,**

Таким единым и таким моим?

За радость тихую дышать и жить

Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник, я же и цветок,

В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло

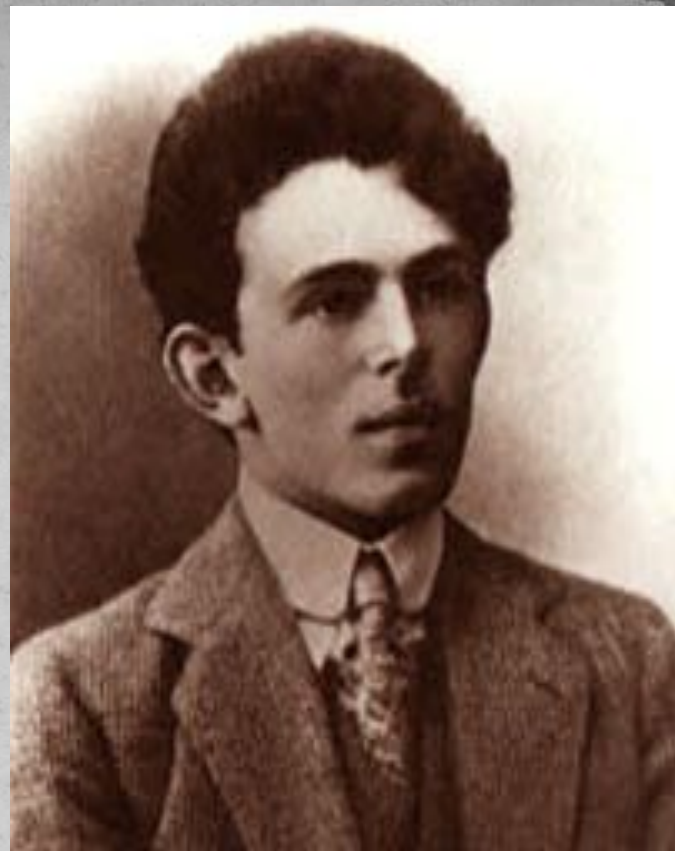
Мое дыхание, мое тепло.

Запечатлется на нем узор,

Неузнаваемый с недавних пор.

Пускай мгновения стекает муть -

Узора милого не зачеркнуть.

Notre Dame

Где римский судия судил чужой народ —
Стоит базилика, и — радостный и первый —
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод.

Но выдает себя снаружи тайный план,
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом — дуб, и всюду царь —
отвес.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра, —
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам...

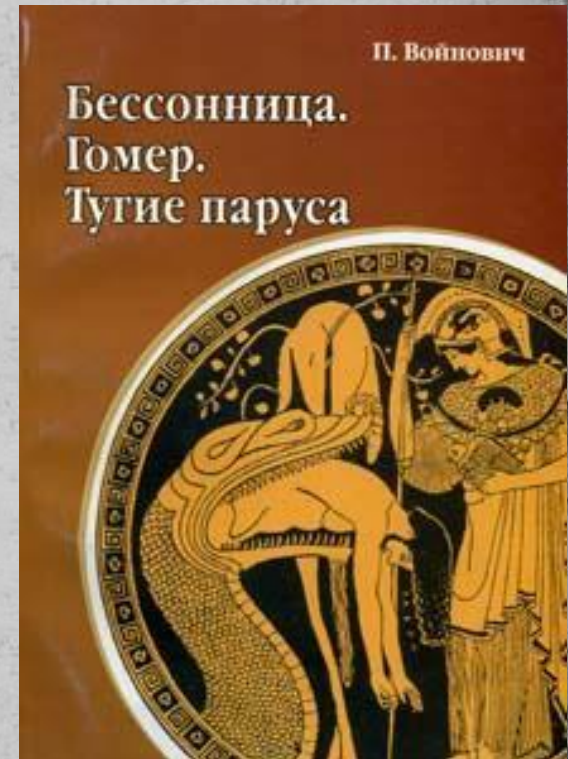
Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Влюблённый в древнюю Элладу, поэт стремился обнаружить связь русской культуры с античностью. Отсюда в сборнике «Камень» возникают в стихотворениях имена: Афродита, Елена, Гомер.

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладою когда-то поднялся.

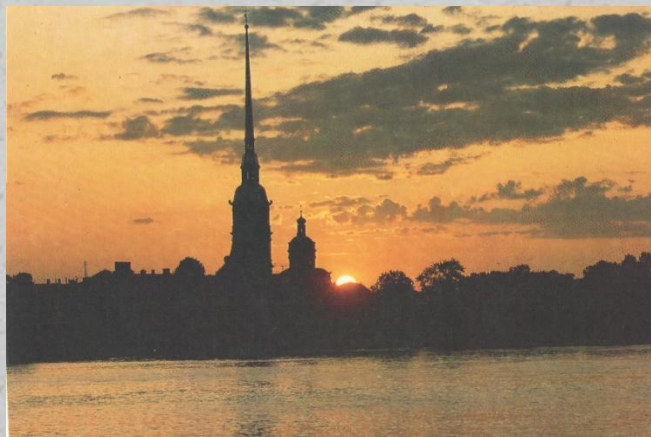
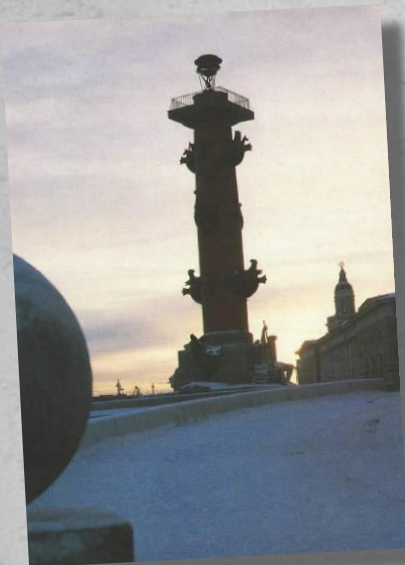
Как журавлиный клин в чужие рубежи,-
На головах царей божественная пена,-
Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер - всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Петербург в лирике Мандельштама

- «Адмиралтейство»
- «Петербургские строфы»
- «В Петербурге мы сойдемся скоро...»

**Город живой и многоликий,
неповторимый и прекрасный во всех
своих ипостасях.**

Адмиралтейство

В столице северной томится пыльный тополь,
Запутался в листве прозрачный циферблат,
И в темной зелени фрегат или акрополь
Сияет издали, воде и небу брат.

Ладья воздушная и мачта-недотрога,
Служа линейкою преемникам Петра,
Он учит: красота - не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра.

Нам четырех стихий приязненно господство,
Но создал пятую свободный человек.
Не отрицает ли пространства превосходство
Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные Медузы,
Как плуги брошены, ржавеют якоря -
И вот разорваны трех измерений узы
И открываются всемирные моря!

Айя-София

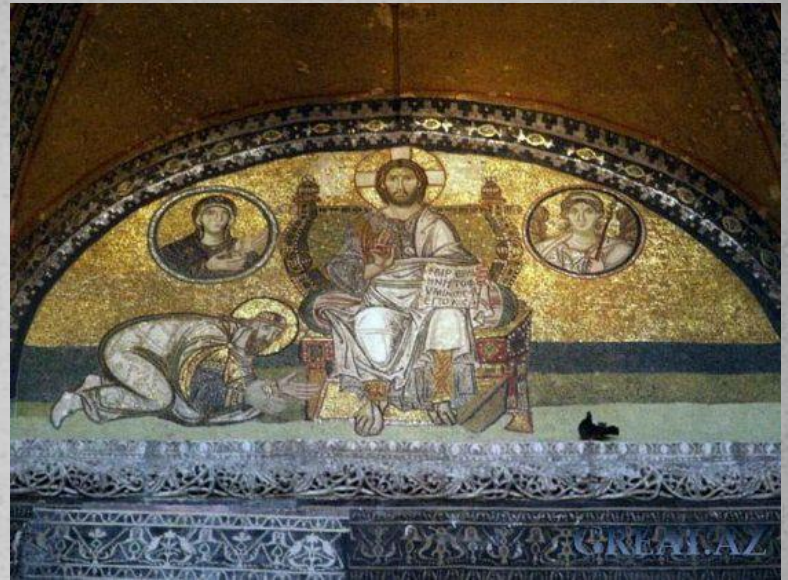
Айя-София,- здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.

И всем векам - пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зеленых мраморных столбов.

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?

Прекрасен край, купающийся в мире,
И сорок окон - света торжество.
На парусах, под куполом, четыре
Архангела - прекраснее всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

Сборник «Камень»

Таким образом, храм Айя-София и Адмиралтейство, Греция Гомера и императорский Рим, средневековая католическая Европа, французский театр классицизма — как в калейдоскопе, сменяются имена, эпохи, стили, ставшие для Мандельштама не абстрактным поэтическим материалом, а самой жизнью, где одно слово проступает сквозь другое, играя своими культурными символами.

Как заметил В. М. Жирмунский, "Мандельштаму свойственно чувствовать своеобразие чужих поэтических индивидуальностей и чужих художественных культур, и эти культуры он воспроизводит по-своему, проникновенным творческим воображением". Акмеистическая "игра" смыслами и ассоциациями нужна была поэту для того, чтобы следить "за шумом и прорастанием времени".

«Мой прекрасный жалкий век...»

Век мой, зверь мой, кто
сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий
позвонки?

облигации, а в разряде два
от девятих админта
в Правлении Ловобора,
унонам унаваки будит

Правления

Прав

**Ольга
Гильдебрандт-
Арбенина**

Я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
И сам себя несу я,
Как жертву палачу.
Тебя не назову я
Ни радость, ни любовь.
На дикую, чужую
Мне подменили кровь.

Еще одно мгновенье,
И я скажу тебе,
Не радость, а мученье
Я нахожу в тебе.
И, словно преступленье,
Меня к тебе влечет
Искусанный в смятеньи
Вишневый нежный рот.

Революция

Чуткий к движению времени, Мандельштам не остался равнодушным к происшедшим революционным событиям.

Падение монархии представляется поэту исторически справедливым. Однако октябрьский переворот вызывает негодование.

Прославим, братья, сумерки свободы,
Великий сумеречный год!
В кипящие ночные воды
Опущен грузный лес тенет.
Восходишь ты в глухие годы,
О, солнце, судия, народ!

Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть, тот должен слышать,
время,
Как твой корабль ко дну идет.

Прославим, братья, сумерки свободы...

Мы в легионы боевые
Связали ласточек, - и вот
Не видно солнца, вся стихия
Щебечет, движется, живет.
Сквозь сети - сумерки густые –
Не видно солнца и земля плывет.

Ну, что ж, попробуем: огромный,
неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи,
Как плугом, океан деля.
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

Страницы жизни

В 1918 году перебирается из Петрограда в Москву, пытается служить, но служба оказывается не по душе. Начинаются поездки по стране: Харьков, Киев, Феодосия, Батум, Тифлис. В Крыму его арестовывает врангельская контрразведка, в Батуме – местные военные власти. Повидал и Красную власть, и белую – всё зло. Трудный, неустроенный быт, постоянные поиски литературного заработка – рецензий, переводов, отсутствие читательской аудитории и тоска по читателю-собеседнику вызывали чувство потерянности, одиночества, страха. Творчество Мандельштама на рубеже 1920-х годов исполнено трагических предчувствий.

Осенью 1922 г в Берлине выходит **вторая книга стихов «Tristia»** (лат. – «Скорбь»).

В 1925 г – проза: «Шум времени», «Феодосия».

Вышедший в 1928 г. сборник "Стихотворения" был последним, увидевшим свет при жизни автора.

Вынужден заниматься переводами.

«Холодная весна. Голодный Старый Крым»

Холодная весна в Старом Крыму.
Над долиной ири Кривого, милой же долинами
до моря на земле, на рудниках заманчивой
Все милое же выселенной, вдалеке милой
Все милое же херсонесской раскопки
Черезыч по-прежнему на дороге
Сидит над морем и вдалеке долинами
Костяк мой вдалеке украинской милой
Ирина моя же милой милой
И милой милой милой и милой
На волновой земле вдалеке милой
Вдали милой милой же милой милой

«Старый Крым в испуге как-то
сжался...»

«Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»

**Я вернулся в мой город, знакомый
до слез,**

До прожилок, до детских припухлых
желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных
фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан
желток.

Петербург! я еще не хочу умирать!

У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,

По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок

Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей

дорогих,

Шевеля кандалами цепочек дверных.

Антиода Сталину

- В ноябре 1933 года сочиняет эпиграмму на Сталина и под великим секретом читает ее менее 14 человек.

Антиода Сталину

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ:

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому
в глаз.

Что ни казнь у него - то малина
И широкая грудь осетина.

«Мы живем, под собою не чуя страны...»

- **«Это не литературный факт, но акт самоубийства...»**

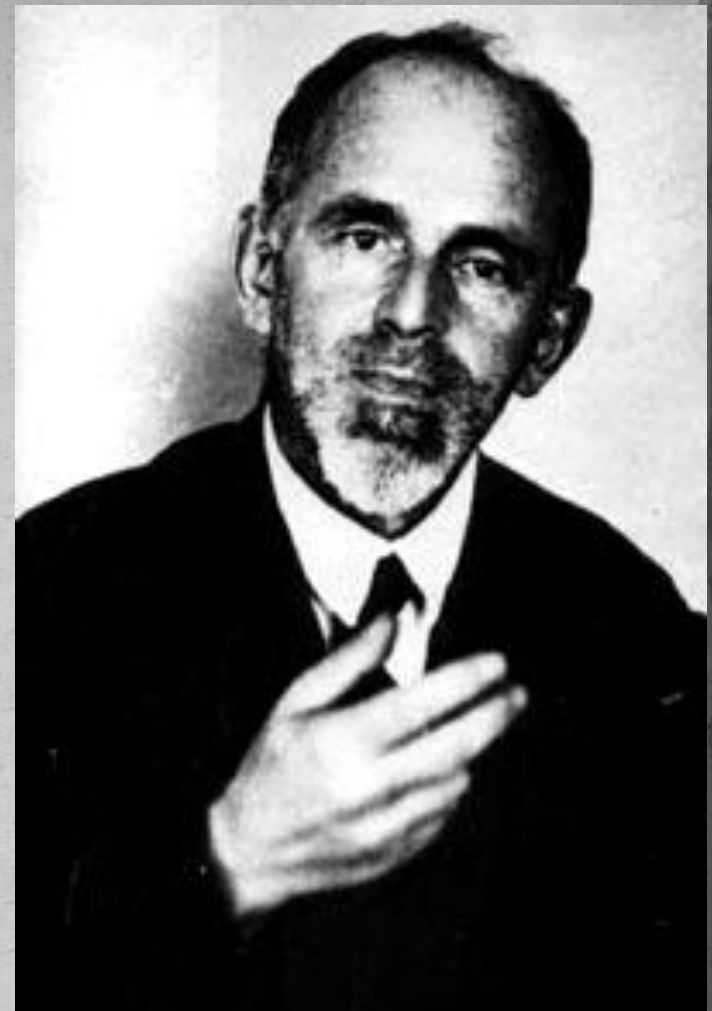
Борис Пастернак

- **«Кремлевский горец и «сброд тонкошеих вождей» созданы средствами гротеска**

Арест

В поэзии Мандельштама советского периода появляется чувство незащищенности человека в мире, жуткое ощущение хаоса, которое вот-вот поглотит всё.

Он был арестован в мае 1934 года в своей квартире. Стихотворение «Квартира тиха, как бумага» передает атмосферу предчувствий поэта.

Квартира тиха, как бумага

Квартира тиха, как бумага –
Пустая, без всяких затей, –
И слышно, как булькает влага
По трубам внутри батарей.

Имущество в полном порядке,
Лягушкой застыл телефон,
Видавшие виды манатки
На улицу просятся вон.

А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
А я как дурак на гребёнке
Обязан кому–то играть.

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.

Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозное баюшки-баю
Колхозному баю пою.

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель,
Достоин такого рожна.

Какой–нибудь честный
предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель,
Такую ухлопает моль.

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намёк,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.

Давай же с тобой, как на плахе,
За семьдесят лет начинать,
Тебе, старику и неряхе,
Пора сапогами стучать.

И вместо ключа Ипокрены
Давнишнего страха струя
Ворвётся в халтурные стены
Московского злого жилья.

Обыск

«Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи, ходили по выброшенным из сундуков рукописям... Следователь при мне нашел **«Волка»...**»

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей,
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых кровей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе,

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

Ссылка

Это стихотворение следователь показал Осипу Мандельштаму. Тот молча кивнул. Его увели. Следствие шло 2 недели: не давали пить, спать. Осип Эмильевич бредил, появились галлюцинации. **Приговор: 3 года ссылки в Чердынь на Северном Урале.** Туда он приехал душевнобольным человеком. Выбросился из окна. Сломал ключицу. С 1934-1937 гг живет в Воронеже. Пишет «Воронежские стихи» (тетради), которые были опубликованы в 1966 г. — духовная исповедь поэта и его приговор "немеющему времени".

*Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь, -
Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...*

(апрель, 1935.
Цикл «Воронежские стихи»)

Поединок один на один

И в ссылке Мандельштам «продолжал писать вещи неизреченной красоты и мощи»

(А. Ахматова)

«Воронежские тетради» - вершина поэзии Мандельштама

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел:
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском
провороте,
А небо, небо – твой Буонаротти...

Апрель 1935

В 1937 г. Мандельштам возвращается из ссылки, но не получает права жительства в Москве.

«Воронежские тетради»

Ещё в апреле 1935 года им было создано пророческое стихотворение «**Это какая улица?**»

Это какая улица?

Улица Мандельштама.

Что за фамилия чертова -

Как ее ни вывертывай,

Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного,

Нрава он был не лилейного,

И потому эта улица,

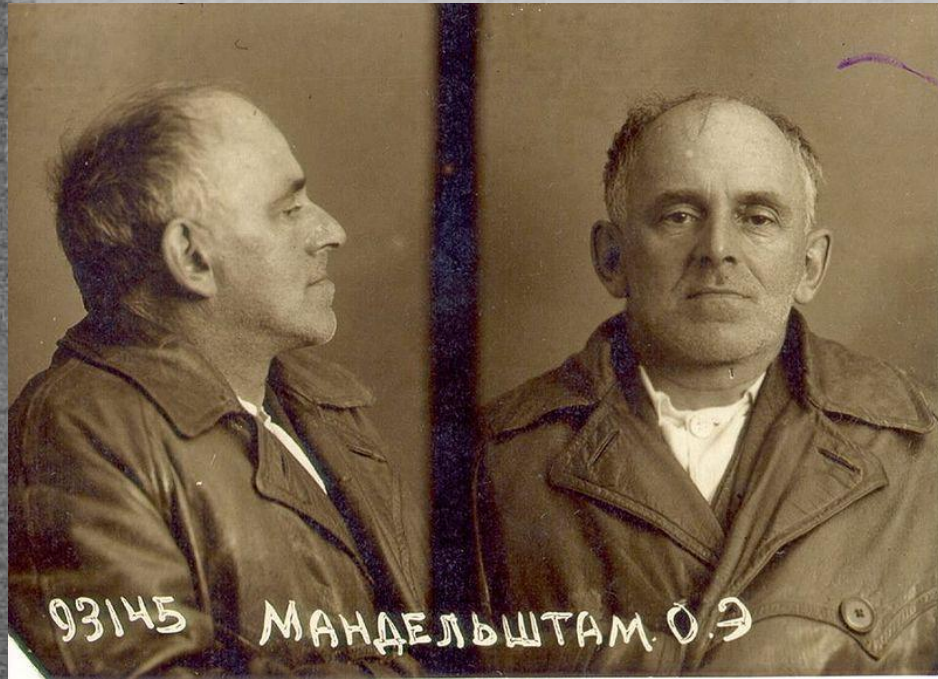
Или, верней, эта яма

Так и зовется по имени

Этого Мандельштама...

Последний круг страданий

- В мае 1938 года его арестовали вторично.
- Лишен квартиры, купленной за собственные деньги.
- В августе приговор: **5 лет** лагерей за контрреволюционную деятельность.
- Этап на Дальний Восток лагерь «Вторая речка».
- Путь продолжался месяц.
- Последнее письмо в конце октября: «Здоровье очень слабое, истощен до крайности».
- Смерть пришла 27 декабря 1938 года в больнице, по официальному заключению от паралича сердца (от истощения).

Эпилог

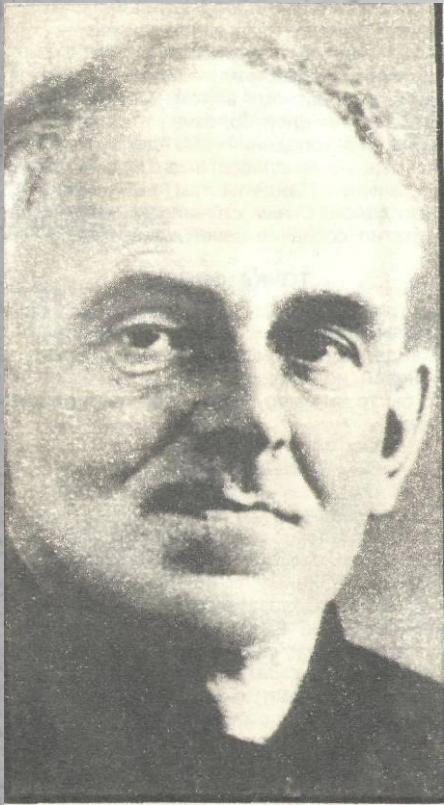
Затем наступили 20 лет забвения, а позже — постепенное возвращение его поэзии читателям.

Осип Эмильевич Мандельштам был официально реабилитирован в 1987 году.

Местонахождение могилы поэта до сих пор неизвестно.

Он был высокой правде рад
И прожил жизнь свою поэтом
И перед жизнью виноват
Был только в этом, только в этом...

Жизнь упала, как зарница,
Как в стакан воды – ресница.
Изолгавшись на корню,
Никого я не виню....